РЕКТОР ТРЕХ АКАДЕМИЙ

В истории русской православной церкви не было другого такого случая, когда на высокую, ответственную должность ректора высшего духовного учебного заведения, академии был бы назначен человек в столь молодом возрасте. Именно такое событие произошло в 1890 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, на ректорство которой был назначен ее воспитанник 27-летний магистр богословия архимандрит Антоний (Храповицкий). Своим назначением Антоний был обязан выдающимся способностям, которые он сумел проявить за время учебы и преподавания. Однако руководство родной академией продолжалось недолго, и уже через год Антоний был переведен на ректорство в Московскую академию, в которой прослужил четыре года.

Новый учебный 1895 г. Антоний встретил на новом месте — в Казанской духовной академии, куда был назначен после отставки ее долголетнего ректора Александра Поликарповича Владимирского, прослужившего в академии 50 лет, из которых почти 25 лет на посту ректора. Владимирский пользовался большим и заслуженным авторитетом среди преподавателей и студентов академии. Он был питомцем первого выпуска академии, первым магистром и доктором из ее выпускников и, наконец, первым ректором-казанцем. «Кроткий и добрейший душою, отечески заботливый о всем и всех, он умел управлять академией, никого не стесняя». Под его руководством академия стала для преподавателей и студентов вторым домом, в котором «царила святая патриархальность с ее искренностью, любовью и согласием»[1]. Такими словами характеризовали А. П. Владимирского его коллеги в юбилейном адресе по случаю 50-летия его академической деятельности. Студенты любовно называли своего ректора «папашей».

Молодому ректору нелегко было укорениться в новой для него среде с установившимися традициями и распорядками, его слова и поступки невольно сравнивали с прежним ректором, тем более что многие заслуженные профессора и члены совета академии годились ему в отцы, а сам он годился

в старшие братья студентам. Разными были и жизненные пути бывшего ректора и его преемника. Первый происходил из семьи бедного сельского священника. Антоний же (в миру Алексей Павлович Храповицкий), родившийся в 1863 г., происходил из знатного, старинного рода. Его отец — помещик Павел Павлович Храповицкий был героем освободительной войны 1877-1878 гг. Мать — Наталья Петровна, в девичестве Веригина, была женщиной глубоко религиозной. Вместе с матерью маленький Алеша посещал храмы, святые места и обители, и эти посещения, а также чтение святоотеческих книг и современных авторов, таких как Хомяков, Аксаков, Киреевские, рано сформировали его религиозное мироощущение. Золотая медаль Петербургской классической гимназии и блестящие умственные способности Алеши Храповицкого открыли ему путь в лучшие высшие учебные заведения и возможность в дальнейшем выдающейся карьеры на государственной службе, но сам он определил для себя другой путь — путь духовного служения.

Молодой аристократ поступил в Петербургскую духовную академию. Столь неординарный поступок не мог не вызвать недоумения и даже некоторого отчуждения среди людей его круга. Но студент академии Храповицкий пошел еще дальше. На последнем курсе он принял постриг в монашество с наречением именем Антоний, уйдя от мира земных соблазнов и искушений и посвятив целиком свою жизнь подвижническому духовному служению. Еще на третьем курсе Храповицкий приступил к работе над диссертационной темой «Психологические данные в пользу свободной воли и нравственной ответственности», которую можно отнести как к богословской науке, так и к антропологической философии — учению о сущности природы человека. Одновременно с окончанием академии Антоний был удостоен ученой степени кандидата богословия.

Во время учебы в Петербургской духовной академии Антоний познакомился с выдающимся проповедником Иоанном Кронштадтским, чей бесценный пастырский опыт стал одной из основ курса пастырского богословия, который читал Антоний во всех академиях. Эту дисциплину Антоний считал основной в подготовке студентов к их дальнейшей деятельности, поэтому и в Казанской академии чтение этого курса он оставил за собой.

О первом нелегком для молодого ректора времени укоренения в новой среде, о минутах иногда даже отчаяния Антоний вспоминал позже в своем письме в Казань коллеге, выдающемуся историку профессору Петру Васильевичу Знаменскому. Шло время, и постепенно стали раскрываться истинные душевные и интеллектуальные качества нового ректора Храповицкого. Невольные предубеждения ученой корпорации и студенчества стали развеиваться, и через два года очам всех предстал образ, описанный одним из профессоров в слове по случаю знаменательного для Антония события: «Мы узнали Ваше блестящее и многообразное образование, богословское и небогословское: мы имели столько случаев любоваться поистине редкостным даром Вашего слова, дивным талантом Вашего одухотворенного христианского красноречия; мы узнали Вашу очаровательную, всюду и во всем проявляющуюся гуманность и высокое Ваше благородство, благодаря которым для Вас нет и не может быть врагов, т. е. людей, которым бы Вы только пожелали, а не только что сделали что-либо злое, неприятное, чтобы больше получить от Вас услуг и благодеяний; мы знаем Ваше необычайное бескорыстие и, кажется, полное презрение к деньгам, нежелание иметь с ними какие-то ни было дела; мы знаем так часто изумлявший нас избыток Ваших душевных сил и неистощимость Вашей энергии в одолении, какой бы ни скопилось, массы дел и занятий и т. д. и т. д… Вы человек особенный, во всех отношениях выдающийся, редкий и дорогой человек…»[2].

К этой блестящей характеристике можно, пожалуй, добавить еще одно существенное качество Антония — его непримиримое отношение к любым искажениям Христова учения, его беспощадную критику идей, подрывающих основы православия, не взирая на авторитеты и славу, осеняющие их авторов,

будь то великий писатель Л. Н. Толстой или прославленный философ В. С. Соловьев.

В скором времени молодой ректор завоевал сердца и умы студентов. Свои лекции по пастырскому богословию он строил в форме живого диалога со слушателями, богато украшая их примерами из истории и литературы. Особенно часто он приводил примеры из сочинений своего любимого писателя Ф. М. Достоевского. Еще учась в гимназии, а потом в академии, не пропускал ни одного литературного вечера, на котором выступал писатель. Обладая феноменальной природной памятью, Антоний мог цитировать страницами ключевые места произведений Достоевского, знал все сложные ходы сюжетов и идеи его сочинений.

Антоний не ограничивал общение со студентами лишь часами учебных лекций. Как и в Москве, Петербурге, так и в Казани ректорская квартира всегда была открыта для любого студента. Часто в вечерние часы, свободные от литературных занятий, в его покоях за самоваром, за чаем с неизменными баранками, медом и вареньем собирался кружок его воспитанников, с которыми обсуждались многие богословские и философские проблемы, текущие церковные и общественные события. О. Антоний делился своими сокровенными мыслями о восстановлении на Руси патриаршества. Эта идея, по его словам, овладела им еще в 10-летнем возрасте. Частой темой бесед была тема монашества. Его ученик, впоследствии архиепископ Харбинский Мелетий вспоминал: «Наш ректор часто говорил, что духовная академия должна преимущественно приготовлять служителей Иисуса Христа, и особенно монашествующих, которые могут себя всецело посвятить этому великому служению. Высоту этого служения церкви наш ректор раскрывал перед юными служителями с такой силой красоты и убедительности, что вскоре, приблизительно на другой же год, взгляд на монахов-студентов, в которых людская молва видела только карьеристов, изменился. Монашествующая братия стала расти и умножаться»[3]. Другой воспитанник, вспоминая вечерние чаепития у архимандрита Антония, восклицал: «Это древнегреческая академия; здесь среди болтовни и шуток сеются идеи, каждая из которых достойна вырасти в дискуссию. Нередко так и бывало, но гораздо более оттуда вышло юных монахов особого оттенка. Антоний первым стал оправдывать образ жизни учено-административного монашества, порвавшего связь с монастырским затвором»[4]. За время ректорства Антония во всех трех академиях 60 его учеников приняли монашеский постриг, многие из них стали епископами и архиепископами, некоторым же этот выбор оказался непосильным, и их монашеская жизнь сложилась неудачно. Московский митрополит Сергий (Ляпидевский) был противником раннего пострига, возраст для коего определял не ранее 30 лет. На этой почве между ним и Антонием возник конфликт, в результате которого Антоний и был переведен в Казанскую академию[5].

Несомненно, что частой темой бесед Антония с учениками было новое «религиозное» учение Л. Толстого, который в конце XIX в. опубликовал ряд сочинений религиозно-философского содержания («В чем моя вера», «Царство Божие внутри нас», «Критика догматического богословия» и др.). Критическим разбором толстовских сочинений Антоний занялся еще в Московской академии, продолжил эту работу и в Казани. У казанской общественности большой интерес и успех имели публичные выступления Антония, в которых он разбирал новое учение Толстого, убедительно выявляя в нем места, противоречащие не только духу и букве христианского учения, но и правилам логики. Скрупулезное исследование толстовских сочинений было изложено в пяти обширных статьях Антония, опубликованных в московских и казанских периодических изданиях, выходивших отдельными выпусками и включенных во все собрания сочинений Храповицкого. Антоний Храповицкий объяснял психологические истоки нового вероучителя тем, что Толстой, «будучи, по его собственным словам, человеком безрелигиозным до 50 лет, не руководился никакими определенными правилами или идеалами в своей жиз-

ни; под старость в нем проснулись совесть и ненависть к жизни себялюбивой и беспринципной. Он бросился к исканию веры». Но «отвычка от признания сверхчувствительного мира оттолкнула его не только от церкви, но и от Нового Завета. Автор выбросил из него апостолов Павла, Петра, Деяния, а из Евангелия все сверхъестественное, и, пленяясь душой заповедями христианского поведения, но не имея силы привязать их к истинам вероучения, постарался при сохранении материалистического атеизма в своих теоретических воззрениях воспринять в эту систему тот максимум добра, который только может быть примирен с материализмом»[6]. Толстой, как вполне справедливо отметил его молодой оппонент, «чувствуя совершенную невозможность обосновать» свои выводы о превосходстве своего учения над православным пониманием Евангелия «путем спокойного философствования», пользуется им лишь в немногих случаях, «когда его мораль имеет хотя бы кажущееся сродство с учением Евангелия, например,.. в своем учении о непротивлении злу насилием»[7]. Однако это учение приходит в противоречие с христианским, в котором не говорится непосредственно и категорично о противлении или непротивлении злу насилием. А. Храповицкий, так же как и Толстой, считал насилие над злом грехом, но в отличие от Толстого грехом вынужденным, когда исчерпаны все нравственные средства по отношению к источнику зла, и грехом меньшим по сравнению с безучастием к проявлению зла. История XX в. более чем убедительно показала правоту Антония. Принципиальное отличие в исходной этической посылке, отличающей учение Толстого от православного, как его понимает Антоний, состоит в том, что по Толстому «вся жизнь определяется как борьба духа с плотью,.. между стремлением к жизни животной и жизни разумной». По Толстому зла сознательного, духовного быть не может, ибо разум есть Божество, зло — только в плотском. Церковь же, кроме этого зла, «кроме падения по образу *звериному* (курсив Антония. — *Б. К.*), предостерегает нас от падения от образу *сатанину* от гордости, от зависти, от честолюбия, от лжи, от ненависти, от наслаждения не плотью, а злобой при виде мучений других. Это чисто духовные грехи». Если высшее добро по учению Толстого заключается «в пожертвовании плотским себялюбием, то православная вера призывает к высшему подвигу — к пожертвованию себялюбием духовным, к смирению. Церковь, полагая в основе нашей любви добродетель смирения, не удаляется от учения Христова: “Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем”[8]. Очень показательно, что Л. Толстой говорил об Антонии как об единственном человеке, правильно понявшем его учение.

В сентябре 1897 г. в Казанской епархии произошли два важных события, наложившиеся по времени одно на другое: кончина Казанского архиепископа Владимира и хиротония архимандрита Антония в епископа Чебоксарского и викария Казанского. Покойный владыка Владимир горячо любил Антония и желал видеть в нем своего ближайшего помощника и душеприказчика. 6 сентября состоялось погребение святителя Владимира под сводами Казанского собора, в котором покойный священнодействовал на протяжении пяти лет. Заупокойную литургию совершал архимандрит Антоний. А уже на следующий день, 7 сентября, совершилась хиротония самого Антония в сан епископа и викария. Таинство посвящения, проходившее при огромном стечении казанцев, совершал в высокоторжественной обстановке при сослужении четырех епископов и множества архимандритов, протоиереев и священников архиепископ Рижский Арсений (Брянцев). Кстати, Храповицкий был его постриженником в то время, когда Арсений был ректором Петербургской академии. За Антонием сохранили ректорство в академии. Он стал первым в Казани ректором-епископом. Кроме того, до назначения и прибытия в Казань нового владыки (опять же архиепископа Арсения (Брянцева)) на Антония были возложены обязанности архиепископа. Исполнение большого количества многотрудных дел по епархии оставляло мало времени для академии, но руководство ею было поставлено Антонием на правильный путь, так что было

достаточно лишь только поддерживать его в этом направлении.

В 1899 г. вся Россия отмечала столетие со дня рождения гения русской поэзии А. С. Пушкина. Казань также не осталась в стороне от этого великого события. Для Антония Пушкин был горячо любимым поэтом, к его произведениям он часто обращался в своей публицистике. Со словом о великом поэте он выступил на панихиде в университетской церкви. Это слово и знаменитая речь Ф. М. Достоевского, произнесенная в 1880 г. в Обществе любителей русской словесности по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, имеют большое внутреннее сходство, вневременной характер и сохраняют актуальность по сей день. В своем слове о. Антоний с глубокой проницательностью раскрыл этическое содержание произведений Пушкина, в которых, наряду с изображением пороков, царящих в обществе (гордыня, разврат, отчуждение от народной жизни), говорится и о путях их преодоления. При этом Пушкин вполне определенно указывает на второстепенное значение гражданских прав и свобод: «Не дорого ценю я громкие права, от коих не одна кружится голова…» и т. д., а напротив этому указывает на первостепенное значение нравственного начала. Говоря о значении личного нравственного совершенствования, к которому призывал и стремился сам Пушкин, Антоний подчеркивал, что эта область требует на первых порах «сосредоточенности и уединения», но затем она «широкой волной свободного влияния вливается в общественную жизнь, в общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому… Блаженна была бы Россия, если бы юношество и общество в этом отношении согласились бы с Пушкиным и посвящали свой ум и свои силы не на ту борьбу политических идей, партий и мечтаний, которыми исчерпывается жизнь западного мира»[9]. Строки А. С. Пушкина, приведенные Антонием в своем слове: «Не для житейского волненья, не для корысти, не для битв, — мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» являлись внутренним убеждением и самого владыки. Его юбилейное слово о Пушкине было напечатано отдельной брошюрой в университетской типографии, включалось в последующие собрания сочинений и получило заметный резонанс в казанском обществе.

Летом 1900 г., когда большинство преподавателей и студентов находились в отъезде по случаю летних вакаций, было получено решение Св. Синода о назначении Антония руководителем Уфимской и Мензелинской епархий. Владыка тяжело переживал предстоящую разлуку со ставшей ему родной академией и с Казанью. В знак любви и признательности к академии он передал ей средства, вырученные от издания своего Собрания сочинений в трех томах, а также значительную сумму личных сбережений в пользу недостаточных студентов. Свидетельством признательности Казанской академии может служить и такой факт: он застраховал свою жизнь с поручением выплатить страховую сумму 5 000 рублей не Московской и не Петербургской, а именно Казанской академии.

Архиепископ Антоний Волынский. Письма Блаженнейшаго митрополита Антония (Храповицкаго). – Джорданвилл, 1988. – С. 33.

На прощальном чествовании по случаю отъезда Антония и. д. ректора академии Н. П. Виноградов, выражая мнение присутствующих, отметил «выдающиеся и редкие духовные дарования, блестящее многостороннее образование, дивный ораторский талант и увлекательное красноречие, высокую гуманность и всепрощающую снисходительность, необычную простоту и общедоступность, полнейшее бескорыстие и честность, чистую, истинно христианскую любовь к окружающим, неистощимую энергию и предприимчивость»[10] владыки.

В июльский погожий день на казанской пристани собралось многочисленное общество, чтобы проводить своего любимого пастыря, учителя и коллегу, навсегда покидающего Казань. Однако духовная связь между казанцами и Антонием еще поддерживалась долгое время. Своего рода объяснением в любви можно назвать его обширное открытое письмо к студентам Казанской академии, посланное им из Уфы, которое было напечатано в Собрании сочинений[10], тем же духом любви проникнуто и его письмо к профессору П. В. Знаменскому, приводимое нами ниже.

Разумеется, Антоний Храповицкий не был ангелом в земном воплощении, и не все его слова и действия вызывали единодушный восторг и одобрение. В статье об Антонии, написанной для Православной энциклопедии, профессор Казанской духовной академии К. Терновский, признавая все положительные свойства его натуры и благодатные деяния во время его ректорства в Казани, отметил и другие его стороны: «Молодой, живой, увлекающийся, во все вмешивающийся и все преобразующий по-своему, новый ректор весьма растревожил академическую жизнь и повел ее форсированным шагом. Никогда не бывало столько, сколько при нем, коллоквиумов, никогда не производилось столько магистров и докторов, не избиралось столько почетных членов и профессорских стипендиатов… При нем возросло максимальное число студентов (290 в 1900 г.)… Но нельзя не отметить, что при всем том Антоний мало считался даже с той долей самоуправления, какую оставил за профессорской корпорацией Устав 1884 года. С желанием последней он не всегда справлялся или навязывал свою волю и свою идею силой начальнического авторитета и особого красноречия и, чаще всего, быстротой в исполнении своих планов и намерений. Затем при своей необъятной снисходительности и доброжелательстве он принял в академию и выпустил из нее много лиц, недостойных званий кандидатов богословия, равно как низвел с должной высоты звания магистров, докторов, почетных членов КДА, т. е. для чего-то принизил самую богословскую науку и подорвал ученый престиж академии, ослабив в ней самые ученые запросы»[12].

Назначением архиепископом в Уфимскую епархию закончился 10-летний период академической службы Антония Храповицкого. В Уфе он прослужил два года, затем последовало новое назначение на Волынско-Житомирскую кафедру, служба на которой по времени была самой продолжительной — 12 лет. Этот период деятельности архиепископа Волынского был ознаменован многими знаменательными для русской православной церкви событиями. По инициативе Антония была восстановлена древняя Волынская святыня — Васильевский храм в Овруче (работой руководил известный академик архитектуры А. Щусев), реконструирован собор Почаевской лавры с устройством при ней типографии, издания которой — известные «почаевские листки» — расходились по всей России, открыты многие духовные училища и школы, расширена миссионерская деятельность. Владыка Антоний горячо выступал в защиту православных русинов на территории Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. Вся Россия слушала, читала и обсуждала страстные речи и статьи Антония о приближающейся революции. Он, как и его учитель Ф. М. Достоевский, провидчески говорил о тех неисчислимых бедах, грозящих России со стороны ниспровергателей православия и государства, мечтающих построить земной рай. Не отрицая недостатки современного общественного строя, Антоний видел их искоренение лишь в путях мирного преобразования жизни на христианских на-

чалах, в частности в обновлении всего строя церковной жизни.

Антоний Храповицкий был главным деятелем и двигателем восстановления патриаршества в России и поэтому его кандидатура на пост Патриарха всея Руси была в числе первых трех названа на Всероссийском Соборе в Москве в августе 1917 г. Выборы патриарха проходили под орудийные и пулеметные раскаты уже при новой коммунистической власти. Голоса распределились следующим образом: за архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) было подано 159 голосов. За архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) — 148, за Московского митрополита Тихона (Белавина) — 125 голосов. Поскольку ни у одного из претендентов не было абсолютного большинства голосов, то по церковному канону право выбора было предоставлено высшему промыслу, или жребию, который и выпал на долю митрополита Тихона, будущего святого великомученика.

Пожар Гражданской войны принес неисчислимые беды для народа России и, конечно же, для русской православной церкви. Миллионы православных российских граждан оказались за пределами своей родины.

Оказался на чужбине и архиепископ Антоний, ему суждено было возглавить Временное церковное управление за рубежом (ВЦУ). Он был бескомпромиссным противником безбожной власти, укрепившейся в России. В своих бесчисленных выступлениях за рубежом он, вдохновляясь примером великого патриота Гермогена* — идейного вождя борьбы с польской интервенцией и боярами-изменниками, призывал всех сторонников веры и самодержавия объединиться и изгнать безбожную власть. Эти призывы обращались в новые гонения на духовенство, оставшееся в России. Во избежание окончательного разгрома православной церкви патриарху Тихону пришлось отмежеваться от Антония и его сторонников.

Деятельность Антония за рубежом оценивается историками неоднозначно, но остаются несомненными его великие заслуги и роль в истории Русской Православной Церкви. Это, прежде всего, его роль в восстановлении патриаршества в России, непреходящая ценность его пастырско-богословских трудов, духовная и материальная помощь соотечественникам, оказавшимся на чужбине, огромное литературное наследство.

В надгробном слове памяти Антония Храповицкого, произнесенном 10 августа 1936 г. в сербском городе Сремски-Карловцы, сербский патриарх Варнава сказал: «Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы. Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства». Эти слова и сегодня спустя более 70 лет не звучат каким-то особенным преувеличением.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Православный собеседник. – 1897. – Май. – С. 587.
2. Там же. – Октябрь. – С. 394.
3. Цыпкин В. Русская православная церковь в 1925-1938 гг. – М., 1999. – С. 406.
4. Христианство. Энциклопедический словарь. – М., 1993. – Т. 1. – С. 32.
5. Православная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 647.
6. Арх. Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 302.
7. Там же. – С. 303.
8. Там же. – С. 235-236.
9. Там же. – 1911. – Т. 1. – С. 393.
10. Там же. – С. 450-454.
11. Говоров А. Прощание Казанской духовной академии с преосвященным ректором. – Казань, 1910. – С. 14.
12. Православная богословская энциклопедия. – Петроград, 1900. – Т. 1. – С. 810-811.

* Гермоген (1530-1612), религиозный деятель. С 1570-х гг. — священник Николо-Гостинодворской церкви в Казани, с 1587 г. — настоятель Спасо-Преображенского монастыря, с 1589 г. — митрополит Казанский и Астраханский, 1606-1612 гг. — патриарх Московский и всея Руси.

Письмо архиепископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого) профессору П. В. Знаменскому

28 января 1911 г.

Глубокоуважаемый Петр Васильевич!

Только сегодня развернул новую книжку «Православного собеседника» и неожиданно встретил в ней сообщение о Вашем юбилее*. Событие это и вызванное им искреннее и благодарнейшее излияние чувств и мыслей, с разных сторон, понуждают и меня преодолеть чувство неловкости по поводу своего опоздания на несколько месяцев и мысленно приветствовать Ваш нравственный облик. Вы умаляете в ответе своем свои ученые заслуги** и высказанные Вам по поводу последних похвалы, а принимаете к сердцу лишь те добрые святые чувства сослуживцев, которые в них сквозят. С умалением Ваших ученых заслуг не могу согласиться, но, как бы они ни были велики, еще высшим достоинством Вашим признаю Вашу святую любовь к академии, к корпорации, к студенчеству, к науке, к отечеству, к Церкви, к людям вообще. Правда, и прочие профессора академии не злые люди и им не чужды все эти священные привязанности, но редко какой душе свойственна способность так светить этой любовью, так одушевлять ею близких себе, так ободрять унывающих. Вы помните, как я иногда неожиданно появлялся в Вашей квартире вечером и, поговорив кое о чем, уезжал домой? Я поступал так, когда педагогические неудачи или проявление нехороших сторон души различных людей готовы были затмить во мне светлую надежду на то, чтобы по Апостолу «побеждать зло добром». Поговорив с Вами, я вновь наполнялся этой надеждой, и она меня не обманывала.

По избранной Вами кафедре и по принятому методу исследования Вы должны были быть человеком факта, но по отношению своему к академии, к ее чадам и к жизни вообще Вы были последователем платоновского учения об идеях: Вам были дороги академия, студенты, люди вообще по их идее, по тому, каковыми они должны были бы быть, и такое отношение к людям со стороны авторитета действительно их поднимает, приближает к их идее. Мы, христиане, верим, что мы встретимся именно такими друг с другом в другом, в лучшем мире. Я возвожу свой взор на образный киот и вижу священные лики тех, кто еще на земле достиг уравнения идее, и, желая запечатлеть это упование наше, это благодарное чувство к Вам, поднимавшего людей к такой идее совершенства, беру из киота особенно дорогой мне лик святителя Филиппа***, дерзновеннее других пошедшего против факта во имя идеи, и отправляю этот священный символ в Казань с просьбой принять его в благословение. Вы не были человеком горячей борьбы и сильного обличения как он, но сострадающая любовь к людям и неотступное желание видеть всех вообще присных Вам по жизни, учеников Ваших лучшими или еще лучшими, чем они есть, — знакомо Вам так же, как и древним подвижникам христианства.

Это чувствовали Ваши студенты, и такое чувство их глубоко радовало меня тогда, а прочность в них такого чувства, сказывающегося теперь в Вашем чествовании, радует поныне и вселяет надежду на то, что Филиппы не иссякли и не иссякнут в нашем историческом духовенстве, которого многие поколения учились у Вас и еще будут учиться, и одним из достойных виновников нравственной силы духовенства будете Вы, не только как ученый, но и как живой носитель такой силы.

Ваш искренний почитатель и богомолец архиепископ Антоний.

НА РТ, ф. 36, оп. 1, д. 130, л. 93-94.

Фото на с. 217: Митрополит Антоний (Храповицкий). Письма Блаженнейшаго митрополита Антония (Храповицкаго). – Джорданвилл, 1988. – С. 3.

Борис Куницын

* Имеется в виду пятидесятилетний юбилей учебно-педагогической деятельности профессора П. В. Знаменского, отмечавшийся в Казанской духовной академии в октябре 1910 г. (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению автора документа.

*** Святитель Филипп — митрополит Московский Филипп II (1566-1568), обличитель злодеяний Иоанна Грозного, задушен Малютой Скуратовым, канонизирован Русской Православной Церковью.